

*“Времени на раздумья не было.
Ей оставалось только
сражаться или умереть.”*

Он лежал не шевелясь в кровати и вдруг почувствовал, как на щеку упала капля дождя. Он повернул голову, чтобы вода стекла к его сухим губам, и осторожно слизал влагу языком. Проливной дождь продолжал барабанить по трухлявому мансардному окну. Темные облака все плыли по ночному небу, и он мельком увидел луну. Закрыл глаза и представил, как летит сквозь звезды, а потом ступает на ее каменистую поверхность.

Луч пробился через облака и осветил пустую комнату. Она как-то сказала, что ему здорово повезло с этой комнатой: большая, на втором этаже, да еще и вся в его распоряжении. Он не считал, что ему повезло. В углу комнаты стояло три коробки со старыми вещами. От одежды пахло уксусом. Она обещала отнести все это в благотворительную лавку, когда появится свободное время, но не знала, когда именно. Ему трудно было поверить, что однажды эта комната была спальней. Она говорила, что у него тут полно места для игр, можно даже обустроить себе шалаши. Нет, нельзя. Не из чего ему делать шалаши. Разве непонятно?

Ноги под одеялом зачесались. Он скинул его — негнущееся, совсем новое, только из упаковки. Сел на постели, почесал ноги, а потом натянул джоггеры поверх пижамных шортов. До чего же твердый пол под ногами! Она говорила, что купит ковер с изображениями животных, чтобы прикрыть эти голые доски — она что, думала, что ему пять лет, а не почти десять? — но его еще нужно дождаться. Поэтому она дала ему старые тапочки папы, чтобы он ходил в них, пока не привезут ковер. Но те оказались очень велики. Он никогда не носил тапочки, а эти не будет носить и подавно. А еще он никогда не станет звать того человека Папой.

Он потянулся к тумбочке и взял часы в виде футбольного мяча. Прощальный подарок от бабушки. От одного взгляда на часы ему захотелось плакать. Он сердито швырнул часы на кровать. Нельзя, чтобы кто-то подумал, что он плакса. С собой он взял только эти часы, сумку с вещами, маленький альбом с фотографиями и секретный блокнот, на обложке которого заглавными буквами написано его имя. Блокнот обычно хранился под кроватью, но он доставал его, когда было особенно грустно. В нем он описывал все места, которые посетил с бабушкой. Он не хотел их забывать.

Он подошел к двери и приоткрыл ее. С первого этажа доносились голоса. Чуть подавшись вперед, увидел свет, что отражался от зеркала в коридоре этажом ниже. Ступеньки были крутые, так что ему приходилось держаться за перила, чтобы не упасть. Когда она впервые показала ему его комнату, он сказал, что лестница ему не нравится. От нее голова кружится. А она сказала, что он скоро привыкнет.

И улыбнулась. Он знал, что ее улыбка ненастоящая. И смотрел он не на улыбки людей, а в их глаза. Всякий раз, стоило ему поймать ее взгляд, он видел, что ее глаза не улыбаются.

Дверь в их спальню была открыта. Раньше он не видел подушек на их кровати. Сейчас же он провел пальцами по мягкой бархатной ткани. Под окном на туалетном столике лежала серебряная шкатулка. В ее стеклянной крышке были спрессованные сухоцветы. Он открыл шкатулку и вытащил две золотые цепочки. Медленно намотал их на пальцы, оставив концы болтаться с тыльной стороны ладони. Затем еще раз заглянул в шкатулку и осторожно выудил оттуда золотое кольцо с зеленым камнем. Поднес кольцо к глазу и стал вертеть головой, пока лунный свет, что просачивался в щель между занавесок, не осветил камень. Закрыв глаза, он все еще видел яркий зеленый свет, водоворотом кружащийся в его голове.

Ему показалось, что в коридоре раздался какой-то звук. Он быстро обернулся, но никого не увидел. Возможно, это доносились голоса с первого этажа. Он убрал кольцо в шкатулку, а сверху сложил цепочки — точно так они и лежали. Закрыв крышку, легонько потрогал пальцами стекло, за которым теснились эти цветочки.

На лестничной площадке он подождал, пока глаза не привыкнут к яркому свету. Рядом с их спальней была комнатка его брата. Угол комнаты скрывался в темноте, но он мог разглядеть брата, который спал в кровати, свернувшись в клубочек под одеялом с Человеком-пауком. В комнате пахло свежей краской, а на полу лежал огромный ковер — тоже с Челове-

ком-пауком. Он-то вовремя приехал. И выглядит довольно круто. Для маленького ребенка. На ковре была разложена трасса для гонок, лежало несколько машинок. Детские игрушки. А ему игрушки уже не нужны.

Он вернулся на лестничную площадку и уселся на самом верху у перил. Оттуда была видна дверь в гостиную. Хотя дверь была закрыта, он все равно слышал, как они разговаривают. Кроме них говорили еще два человека, но он не узнавал эти голоса. И снова ему показалось, будто он услышал какой-то звук, и повернулся лицом к дальнему концу коридора. Там спал их сын, но дверь его комнаты была плотно закрыта. Так что он подался чуть вперед и попытался расслышать, о чем они говорят. Они почему-то смеялись. Он прислонился головой к перилам и закрыл глаза. На секунду представил, что вернулся к бабушке. Сперва он увидел, как одним ветреным днем запускает ярко-красного воздушного змея. Потом увидел, как ест тост у камина и смотрит по телевизору "Мистера Бина". Интересно, что бабушка делает прямо сейчас? Как только он почувствовал, что слезы снова подступают к глазам, он перестал об этом думать. И снова начал слушать голоса на первом этаже, пока не хлопнула дверь гостиной.

Открыв глаза, он встретил ее пристальный взгляд.

Четверг

Глава 1

Я засовываю в рюкзак бутылку односолодового виски “Талискер” в подарочной упаковке и выхожу из винного магазина на главную улицу Сент-Марнема. Вечерние покупатели смешиваются с непрерывным потоком лондонских пассажиров, которые устало шагают домой. В конце улицы находится “Фиш-энд-чипс от Фреды”, и я лавирую между людьми в длинной очереди, которая тянется оттуда. В тускло освещенном переулке, что разделяет закусочную и черный вход одного из прибрежных пабов Сент-Марнема, разбросаны пустые коробки из-под картошки фри. Краем глаза замечаю двух мужчин, которые безуспешно пытаются спрятаться за мусорным баком. Обоим на вид лет тридцать, они торопливо снюхивают кокаин с пустой упаковки из-под рыбы. Сент-Марнем и мой родной город Хадли приобщились к наркоманской культуре, которая, кажется, стала частью повседневной жизни.

Главная улица начинается в центре городка и сворачивает на Террас-роуд, которая проходит вдоль

Темзы. Накрапывает дождь, и я застегиваю куртку, после чего засовываю руки поглубже в карманы. Я пробираюсь через плотный поток машин, стараюсь не сталкиваться с торопливыми доставщиками “Деливеро”, и спускаюсь к реке. Надо мной железнодорожный мост, на котором, что неожиданно, царит полная тишина, пока вдруг не появляется поезд, что с грохотом мчит к станции “Сент-Марнем”. Передо мной бездомный — он под этим викторианским сооружением устраивает себе кровать из картонных коробок. Позади меня раздаются шаги — кто-то быстро идет, а потом пробегает мимо меня прямо к бездомному. Двое, что вышли из закусочной, кричат на мужчину, а потом поднимают бумажный стаканчик, который тот поставил на землю перед собой. Они забирают его мелочь, громко хохочут и исчезают в ночи. Я подхожу к бездомному, тот лишь устало пожимает плечами. Я нащупываю в кармане десятифунтовую купюру и вкладываю ее ему в руку.

Как только тропинка начинает следовать за изгибом реки, я попадаю в дальний конец городка, где загораются уличные фонари. Дождь усиливается, и я с радостью замечаю, как приветливо светится “У Мейлера”. Он располагается на берегу реки и занимает место в переоборудованном складе из камня. Теперь “У Мейлера” стал чем-то вроде местного клуба. За последние лет десять, что рестораном владеют Ист Мейлер и Уилл Эндрюз, он получил отличные отзывы как в местных, так и в национальных СМИ. В прошлое Рождество Ист опубликовал свою первую кулинарную книгу и дебютировал в шоу Би-би-си “Субботняя кухня”. Не только оригинальные рецепты постепенно превращают его из местной

звезды в национальную знаменитость, его неординарный характер тоже играет большую роль.

Я обхожу склад и захожу в мощный дворик перед зданием. Машины проезжают под огромной каменной аркой, и даже в этот дождливый февральский вечер все вокруг освещено ярким теплым светом. Я ненадолго прячусь под изогнутым навесом на первом этаже. Роняю взгляд в телефон и вижу сообщение от босса, Мадлен Уилсон. Она пишет, что будет через пару минут. Мадлен — одна из самых выдающихся и важных фигур британских медиа, а я проработал с ней почти десять лет. Первые пять лет я работал репортером в общенациональной газете, где она была редактором. Теперь уже пять лет она занимается репортерскими расследованиями на одном из ведущих новостных сайтов Великобритании, которым и руководит. Каждый день я узнавал от нее что-нибудь новое. Она изобретательна, находчива и безжалостно честна. Временами она, конечно, возлагает на сайт огромные надежды, но никогда не идет на компромисс, если вопрос касается точности того, что она публикует. Все эти годы, что она строит свою карьеру, она борется за честность и справедливость, и от своей команды ожидает того же. Во всех историях она всегда придерживается правды — это принцип, который она переняла у своего отца Сэма.

Сэм — журналист старой закалки, владелец и редактор газеты “Ричмонд таймс”, в которой я, как и Мадлен, начал свою карьеру. После смерти моей матери — а прошло уже одиннадцать лет — он взял меня под свое крыло. С отцом у нас отношения не ладились с тех пор, как мне стукнуло три, так что Сэм во многом заменил мне отца.

— Бен! — зовет меня Мадлен, выбираясь из машины.

Я только успеваю ее обнять, как тут у нее начинает звонить телефон. Она бросает взгляд на экран и отклоняет вызов.

— Спамеры, — говорит она мне, залезает обратно в машину и достает с заднего сиденья огромный сверток.

— Деннис, я напишу, когда закончу, — говорит она своему водителю. — Думаю, где-то в одиннадцать.

Он понимающе кивает. Мы с Мадлен подходим к ресторану.

— А где Сэм? — спрашиваю.

— Я предлагала заехать за ним, но он заявил, что дойдет сам.

— Все так же упрям и независим, — говорю я, открывая перед Мадлен дверь.

— Еще на этом странном автобусе ехать! Я сказала, что заплачу за такси, но нет! Ты знаешь Сэма, ему же виднее.

Я улыбаюсь и думаю о том, что его дочь переняла еще и его упрямство.

— Человеку семьдесят четыре, — продолжает Мадлен, — а он каждую неделю редактирует газету. Понятия не имею, как он это делает и как газета окупается.

Я вопросительно поднимаю брови, а Мадлен продолжает говорить:

— Предложила тут ему нанять заместителя редактора. Сказала, что, черт его дери, оплачу все сама. Так знаешь, что он мне ответил?

— Что?

— Что не нужны ему подачки! Так я же без злого умысла... Я вижу, что ему все сложнее работать, а он отказывается сбавлять обороты. Вот скажи, кто сей-

час покупает место для рекламы в местной газете? Он отказывается от любой помощи, и это касается не только газеты. Сказала, что найму уборщицу, чтобы она прибиралась у него дома пару раз в неделю, но он не хочет, чтобы кто-то приходил к нему в квартиру и трогал его вещи. Он так точно себя до инфаркта доведет.

Мадлен улыбается. Мы оба отлично помним, как прошлой осенью она мчалась ночью в больницу, когда узнала, что у ее отца подозрение на инфаркт. К счастью, это был не инфаркт — Сэм просто переел сыра и выпил слишком много винтажного портвейна.

У Мадлен снова звонит телефон.

— Не понимаю, откуда у людей мой номер! — говорит она и снова отклоняет вызов. — Убью Кэролин, если узнаю, что это она дала мой номер какому-нибудь незнакомцу, который заявил, что у него мировой эксклюзив.

Работа ассистентом Мадлен требует море терпения. Мадлен проходит вперед, называет свое имя метрдотелю, но тот не успевает проводить нас к нашему столу — из кухни к нам выходит Ист Мейлер.

— Мадлен! — кричит он и подходит к нам с распростертыми объятиями.

Ростом он под два метра, черные длинные волосы собраны в тугий хвост, который удерживает ярко-красная оверсайз бандана шефа — такую фигуру трудно не заметить.

— А ты чего не сказала, что вы зайдете сегодня? Я бы вам что-нибудь особенное приготовил, — весело попрекает он ее, и посетители ресторана поворачиваются взглянуть на хозяина.

Мадлен в качестве приветствия отправляет Исту воздушный поцелуй, а затем крепко обнимает его за талию.

— Здесь всегда еда особенная, — со смехом отвечает она.

Мадлен и Ист были хорошими друзьями в старших классах. И они до сих пор не разлей вода.

— Мы собираемся отпраздновать день рождения Сэма. Если он вообще появится, — объясняет она, когда Ист провожает нас к столику с изумительным видом на реку. — В этом году решили скромно посидеть. Но ты не забывай, Сэму не нужен повод, чтобы съесть вторую порцию твоего пирога с рыбой.

— Уж об этом я позабочусь, — отвечает он и поднимает руку, привлекая внимание бармена за барной стойкой, у которой толпится много людей. — Шампанское за счет заведения! Мой подарок имениннику, — продолжает он, заметив Сэма.

Тот только зашел в ресторан, и его поприветствовал метрдотель. Ист здоровается с Сэмом — кладет ладонь ему плечо, почти засовывает его себе под мышку.

— Мистер Харди, слышал, у нас тут праздник.

— Не надо из-за меня шумиху устраивать, я здесь не для этого, — отвечает Сэм, поднимая руки в шутовском протесте.

Официант наливает три бокала шампанского и отходит.

— Выпей с нами, — предлагает Исту Мадлен.

— Я бы с радостью, но я сегодня главный на кухне.

Сэм вскидывает глаза на Иста и спрашивает:

— Рыбный пирог?

— Уже готовлю, — отвечает он, берет Мадлен за руку и тихо спрашивает: — Я могу тебя чуть по-

позже украсть минут на пять? Мне нужно поговорить с глазу на глаз.

— Все в порядке? — спрашивает она.

— В полном. Наслаждайтесь ужином! — отвечает он и исчезает на кухне.

— Извините за опоздание, — говорит Сэм. Он опрокидывает в себя половину бокала, даже не сев за стол. — Конни заскочила на поздний обед, и мы как-то потеряли счет времени.

— Только не говори, что ты себе подпортил аппетит.

Сэм качает головой и улыбается.

— Мадди, я страшно голоден. Ничего не ел с самого утра, — говорит он, попивая шампанское. — Когда я говорю, что Конни заскочила на обед..

Мадлен поднимает руки.

— Пап, мы отлично знаем, что ты имеешь в виду. Не надо подробностей.

Она поворачивается ко мне и качает головой.

— Разве миссис Васнески не ваша закадычная подруга, что живет по соседству? — спрашиваю я.

Сэм ухмыляется.

— Так и есть. Но сейчас она уехала в Польшу повидать мать, вернется завтра вечером.

— Мать? Сколько же лет миссис Васнески? — спрашивает Мадлен.

— Семьдесят четыре, как и мне. И мы все еще живчики! Ее матери на прошлой неделе стукнуло сто один. Мощно они оторвались в Варшаве.

Он показывает нам фото: мать миссис Васнески отмечает свой день рождения стопкой водки.

— Они меня звали, но Польша, февраль.. Это слишком даже для меня.

Сэм тянется к ведерку со льдом, наполняет свой бокал.

Мадлен улыбается, а затем наклоняется, чтобы кое-что достать.

— С днем рождения, пап, — говорит она и передает Сэму сверток, который принесла с собой из машины.

— Что тут у нас? — говорит Сэм и тянется через стол и берет нечто напоминающее большую фото-рамку.

Пока Сэм разрывает дорогую оберточную бумагу, я кидаю взгляд на четырех женщин у барной стойки. Уверен, мне не показалось, что за бокалом мартини с джином они упомянули мое имя. Мадлен бросает на меня взгляд, но ничего не говорит.

Сэм отрывает последний клочок бумаги и ставит рамку перед собой. За ней Мадлен не видит его лица, но я прекрасно вижу, как он прикладывает руку к щеке.

— Это твоя первая... — начала Мадлен.

— Я знаю, что это, — перебивает он, утирая глаза. — Моя первая статья на первой полосе. Двадцать восьмое сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего. Не думал, что однажды снова ее увижу.

Сэм передает мне рамку с изданием “Ричмонд таймс” пятидесятилетней давности, а потом встает и обнимает дочь.

— Где же ты ее нашла?

— Не поверишь, но есть у меня странные связи, — отвечает она и обнимает отца.

— У меня есть все издания с октября семьдесят третьего...

— Которые хранятся в моем гараже! — смеясь, добавляет Мадлен.

— Но это я потерял, когда съехался с твоей матерью. Она постоянно наводила порядок и выбрасывала важные вещи!

— Уверена, она тоже по тебе скучает, — говорит Мадлен и, прежде чем сесть обратно за стол, посылает ему воздушный поцелуй.

Я никогда не встречал мать Мадлен — когда я только познакомился с ней, родители уже давно развелись. Однако она намекнула, что их отношения были довольно напряженными.

Я снова оборачиваюсь, потому что слышу, что позади меня громко смеются. На этот раз одна из тех женщин точно назвала мое имя.

— Не слушай их, — говорит мне Мадлен, услышав, что они говорят. Она тянется через стол и продолжает: — Они не стоят твоего внимания, Бен.